

УДК 821.112.2

А. П. Ильина,

филологический факультет,

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель: канд. филол. наук, доц. О. Л. Гиль

Образ благородного разбойника в цикле сказок В. Гауфа «Караван»

Аннотация. В статье рассматривается один из ключевых образов первого цикла сказок Вильгельма Гауфа «Альманах сказок для сыновей и дочерей образованных сословий». Определяется связь и различие поэтики произведений Гауфа с концепцией гельдельбержских романтиков, влияние мировоззрения писателя на его творчество.

Ключевые слова: альманах, цикл, жанр, сказка, образ, немецкий романтизм.

Вильгельм Гауф — один из самых известных писателей, творчество которого относится ко второму этапу немецкого романтизма. По справедливому мнению Н. Я. Берковского, в это время романтики проявляют значительный интерес к средневековью, христианству, национальной самобытности и фольклору, видя возможность объединения немцев именно на базе национальной культуры [2]. Но между мироощущением и поэтикой большинства гейдельбержцев и Гауфа при наличии единства есть ряд существенных отличий. В частности, Гауф проявлял интерес к восточной традиции и исламу, что в целом не свойственно его соотечественникам. Кроме того, писатель не был и сторонником идеи немецкой национальной исключительности.

Мировую славу Гауфу принесли три сказочных альманаха, издававшихся с 1826 по 1828 г. Стоит отметить, что именно благодаря романтикам сказка получила небывалую популярность у читателей и перестала считаться жанром, недостойным внимания серьезных писателей. Именно в сказочных альманахах, по мнению М. В. Чернышовой, Гауф тяготеет к новеллистической манере, «экспериментирует с жанрами сказок и новеллы, не обращая ни к одному жанру в чистом виде» [4, с. 11]. Исследовательница считает, что большинство «историй», которые входят в состав альманахов, являются собой синтез сказки, легенды, притчи и новеллы. Этим объясняются вставки эстетического дискурса, «неволебенных историй», биографических подробностей о персонажах, расширенный социальный фон и специфика хронотопа: приметы реальной истории интегрированы с условно-экзотической атмосферой.

Обратимся к композиционным особенностям альманахов: Гауф прибегает к рамочной форме по-

вестования. «Раму» альманаха М. В. Чернышова рассматривает как «законченную новеллу, со своей экспозицией, кульминацией, собственным “поворотным пунктом”» [4, с. 7]. Иными словами, обрамление можно разделить на три части: экспозиция, разработка и реприза. В репризе намеченные конфликты получают разрешение.

Цикл сказок разделен на три части, каждая часть называется «Альманах сказок для сыновей и дочерей образованных сословий». При этом каждый альманах имеет ряд ключевых особенностей, в основе которых лежит та или иная степень приближенности к реальному или волшебному миру. Наиболее интересным нам представляется первый цикл, включающий в себя тексты: «Как сказка сделалась Альманахом», «Караван», «История о Халифе-аисте», «История о корабле призраков», «История об отрубленной руке», «Спасение Фатимы», «История о маленьком Муке», «Сказка о мнимом принце».

В рамках этого альманаха мы рассмотрим образ таинственного персонажа, раскрывающийся в нескольких сказках и ставший связующим звеном большинства текстов цикла. Первое появление загадочного незнакомца происходит в обрамляющей истории — «Караван». Фабула выстраивается следующим образом: к идущему по пустыне каравану приближается на арабском скакуне некий всадник в богатом наряде, расшитом золотом. Внешность всадника вызывает ассоциации с человеком Востока — черные глаза, густые брови, орлиный нос, усы и длинная борода. Он представляется Селимом Барухом и присоединяется к каравану, во время остановки которого купцы решают рассказывать друг другу истории.

Стоит отметить, что рассказчиком каждой последующей сказки становится персонаж обрамляющей

сказочной истории. Первым эту роль играет европеец-христианин, купец Залевск — статный человек средних лет, повествующий о том, как он потерял руку, что отсылает нас к названию «История об отрубленной руке». Здесь загадочный незнакомец предстанет перед героем и читателем в роскошном расшитом золотом плаще из гемузского бархата пурпурного цвета и обманом заставит Залевска отрезать голову спящей девушке. После чего убийце отрубят руку, но исчезнувший было незнакомец отправит Залевску письмо с истинной мотивировкой произошедшего и просьбой о прощении: «Прости того, кто несчастнее тебя...» [3, с. 63]. Свою просьбу он сопроводит огромной суммой, сделавшими покалеченного Залевска одним из самых богатых людей в стране. У читателя остается сложное впечатление, так как конец сказки оказывается условно счастливым.

В сказке «Спасение Фатимы», рассказанной мусульманином Лезахом, мы снова встретимся с загадочным персонажем. Внешне напоминающий персидского принца, высокий, статный, красивый и благородный разбойник Орбазан поможет главному герою вызволить из плена невесту. Всё это время купцы не догадываются, что их новый спутник и есть тот самый незнакомец в пурпурном плаще, и атаман, людей которого они настолько боятся, что решаются путешествовать только вместе и в сопровождении охраны.

По прибытии в Мекку незнакомец раскрывает свою тайну Залевску, чтобы окончательно получить прощение и вернуться в пустыню: «Мне придется начать издали, чтобы ты все как следуешь понял. Родился я в Александрии в христианской семье. Мой отец, младший отпрыск извест-

ного старинного французского рода, был консулом своей страны...» [3, с. 138]. Объяснив, что его поступками руководило желание мести недостойной женщине, погубившей всю его семью, а Залевск пострадал в результате стечения обстоятельств, человек в пурпурном плаще произнес: «*Меня угнетала мысль, что ты до сих пор меня не прости. Вот почему я решил провести подле тебя много дней, дабы наконец покаяться перед тобой за то горе, что я тебе причинил...*» [3, с. 142]. Но Залевск (а вместе с ним и читатели) так и не узнает настоящее имя своего собеседника, тот лишь скажет: «*Меня называют Повелителем пустыни. Я — разбойник Орбазан*» [3, с. 144].

История незнакомца проясняется по мере развития действия, но даже в финале обрамляющего повествования далеко не все тайны окажутся раскрытыми. Романтический персонаж Гауфа часть загадок унесет с собой в пустыню. Безусловно, образ незнакомца неоднозначен: его считают и «гнусным душегубом и грабителем» [3, с. 64–65], и спасителем, и благородным щедрым человеком (ищущим искупления), и в то же время настоящим мусульманином. Последнее определение интересно тем, что, обращаясь к одному из хадисов (высказываний) пророка Мухаммада, читаем: «*Настоящий мусульманин — тот, от чьего языка и рук не страдают другие люди*» [1], в то время как Залевск напрямую пострадал, став невольным соучастником преступления. Стремление к возмездии не оправдывает некоторые поступки того, кто называет себя Орбазаном. Так возникает сложный образ человека, весьма далекого от идеала, но способного на благородные поступки — характерной для европейского романтизма фигуры.

1. Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь. — М. : Ансар, 2007. — 400 с.

2. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. — СПб. : Азбука-классика, 2001. — 512 с.

3. Гауф В. Сказки, рассказанные на ночь / пер. с нем. Э. Ивановой, М. Кореневой, С. Шлапоберской. — СПб. : Азбука-Аттикус, 2022. — 448 с.

4. Чернышова М. В. Новеллистика Вильгельма Гауфа в контексте литературы его эпохи : дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2010. — 194 с.